

Сысоева Екатерина Алексеевна

**Жизнь и подвиги Иннокентия,
проповедника Евангелия на
Алеутских островах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е45

Е45 **Екатерина Алексеевна С.**
Жизнь и подвиги Иннокентия, проповедника Евангелия на Алеутских островах / Сысоева
Екатерина Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 68 с.

ISBN 978-5-519-76095-9

ISBN 978-5-519-76095-9

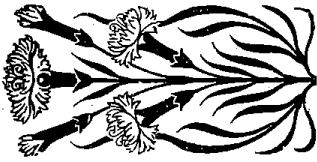
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИННОКЕНТІЙ, проповѣдникъ Евангелія на Алеутскихъ островахъ *).

ГЛАВА I.

„Отъ Господа стопы человѣку исправляются“.
(Псаломъ 36-й, стихъ 23-й).

Августа 27-го 1797 г., въ селѣ Ангинскомъ, иркутской епархіи, что въ Сибири, у пономаря Евсевія Попова родился сынъ Іоаннъ. Семья Поповыхъ была очень бѣдна; горя и нужды видѣла она не мало, тѣмъ болѣе, что дѣтей было четверо, а отецъ хилый, къ работѣ неспособный, и вся тяга лежала на матери. Но отецъ, несмотря на свою хворость, какъ человѣкъ умный, обращалъ большое вниманіе на дѣтей, въ особенности, на сына Іоанна; мальчику не было еще и пяти лѣтъ, а ужъ отецъ выучилъ его читать.

Но вотъ, Евсевій Поповъ умеръ; вдова его, съ 4-мя дѣтьми, осталась въ безпомощномъ положеніи. Сжалился надъ сиротами родной дядя ихъ Дмитрій Поповъ, діаконъ сосѣдняго села, взялъ мальчика Ивана къ себѣ и продолжалъ учить его читать по

*) Составлено по книгѣ Ивана Барсукова: „*Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій*“, по его разсказамъ, сочиненіямъ и писѣмамъ современниковъ.

часослову и псалтырю, а въ то же время и письму. Мальчикъ такъ хорошо учился, что, будучи еще семи лѣтъ, въ праздникъ Рождества Христова, за обѣдней въ родной церкви, прекрасно прочиталъ апостолъ. Вышелъ онъ на средину храма, не смущаясь тѣмъ, что одѣтъ бѣдно (на немъ были лапти и сѣрый крестьянскій зипунъ), и до слезъ тронулъ прихожанъ своимъ внятнымъ, толковымъ чтеніемъ.

Мать такъ обрадовалась успѣхамъ сына, что еще до опредѣленія его въ мѣстную семинарію стала тайкомъ хлопотать, нельзя ли Ваню оставить при церкви св. Іліи исправляющимъ должность покойнаго его отца. Къ счастью, вдовѣ отказали. «Малолѣтенъ, отвѣтили,—твой сынокъ: пусть поучится». И повезли девятилѣтняго мальчика въ губернскую семинарію, гдѣ, въ тѣ времена, куда какъ трудно было жить учащимся.

Къ счастью Вани, тотъ же дядя-діаконъ, что жилъ въ селѣ и училъ его, переведенъ былъ въ Иркутскъ, въ домъ къ архіерею и, какъ вдовый, постриженъ въ монахи и переименованъ въ Давида. Отецъ Давидъ и въ городѣ не забылъ племянника: бралъ его часто къ себѣ, угощалъ, а главное пріучалъ къ ручному труду. Благодаря дядѣ, изъ Вани вышелъ очень искусный механикъ и отличный часовой мастеръ. Года черезъ три по опредѣленіи сына въ семинарію, вдова Попова опять принялась хлопотать о назначеніи его въ родное село пономаремъ, на мѣсто покойнаго отца. Но ей вторично отказали. «И это, конечно, потому, говорилъ Иванъ Поповъ, много лѣтъ спустя, будучи уже знаменитымъ епископомъ,—что Господь судилъ мнѣ служить не на мѣстѣ моей родины, а въ Америкѣ».

Отлично учился молодой Поповъ, Раннее сиротство и отсутствіе семейной обстановки отрази-

лись на его характеръ. Играть съ товарищами онъ не любилъ, да вообще даже мало и разговаривалъ съ ними. Сначала его за это сильно преслѣдовали, оскорбляли, осыпали насмѣшками; но необыкновенныя дарованія и неутомимое труженичество постепенно привлекали къ Ивану всѣхъ его товарищей. Онъ рѣзко выдѣлялся среди своихъ сверстниковъ ростомъ, молчаливостью, строго-задумчивымъ выразительнымъ лицомъ и бѣдностью одежды; толстая казенная рубашка, неподпоясанный халатъ, отсутствіе галстука и жилета,—все это невольно обращало на юношу вниманіе посѣтителей. Зато на экзаменахъ бѣднякъ-семинаристъ всегда отвѣчалъ блистательно, и такихъ отмѣтокъ, какъ у него, не было ни у кого въ классѣ.

Въ высшихъ духовныхъ училищахъ принято было за правило перемѣнять фамиліи воспитанниковъ по волѣ начальства. Это самое случилось и съ Иваномъ Поповымъ Ангинскимъ. За умъ, величавую осанку и всегдашнее спокойствіе въ обращеніи, его называли Веніаминовымъ, въ память умершаго незадолго передъ тѣмъ иркутскаго архіерея Веніамина, котораго всѣ очень любили и уважали. И вотъ, прежній Иванъ Поповъ значился теперь въ спискахъ семинаріи подъ именемъ Ивана Веніаминова. Дѣятельность его была поразительна. Онъ часа не могъ просидѣть праздно; ко всякому дѣлу относился настойчиво, разсудительно, а свободные отъ классныхъ занятій часы посвящалъ механикѣ. Задумалъ архіерей Михаилъ устроить на соборной колокольнѣ городскіе часы; пригласили часового мастера изъ поселенцевъ, Клима, и помѣстили его въ каменномъ флигелѣ, у самыхъ воротъ архіерейскаго дома. Сталъ владыка замѣчать, что къ Климу каждый день повадился ходить одинъ изъ семинаристовъ; подозрѣвая, что это,

должно быть, лѣнтяй, уклоняющійся отъ уроковъ, преосвященный приказалъ навести справки; оказалось, что это былъ Иванъ Веніаминовъ, лучший и самый прилежный изъ учениковъ. Ему, конечно, тотчасъ же разрѣшили продолжать учиться часовому мастерству. Климъ очень остался этимъ доволенъ и давалъ своему помощнику выпиливать шестерни и колеса. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ много пользы принесло это занятіе любознательному семинаристу.

Чтеніе книгъ было также однимъ изъ любимыхъ занятій Веніаминова. Особенно его увлекало одно переводное сочиненіе нѣмецкаго профессора Галле: «Волшебныя силы натуры», гдѣ рассказывались примѣры различныхъ механическихъ опытовъ. Кончилось тѣмъ, что въ одной изъ жилыхъ комнатъ семинаріи, за печкой, появились водяные часы, работы Веніаминова. Станокъ и колеса были имъ сдѣланы съ помощью ножа и шила, выброшенныхъ изъ кухни; циферблатъ вырѣзанъ изъ четверки бумаги, стрѣлки изъ лучинки; воду онъ держалъ въ берестяномъ буракѣ, и она капала на привѣшанную подъ дномъ бурака жестяную дощечку, производя нѣчто похожее на стукъ маятника; черезъ каждый часъ колокольчикъ ударялъ по одному разу, что очень занимало товарищей Веніаминова, такъ какъ многіе изъ нихъ, живя въ Иркутскѣ, отъ роду не видывали часовъ. Вскорѣ затѣмъ, у старшихъ семинаристовъ появились карманные солнечные часы, самого простого устройства, работы того же даровитаго Веніаминова.

Къ концу курса воспитанниковъ выпускного класса иркутской семинаріи пришло распоряженіе начальства прислать въ московскую духовную академію двухъ отличнѣйшихъ учениковъ. Ректоръ, конечно, первымъ выбралъ Іоанна Веніаминова,

хотя ему объ этомъ ничего не сказалъ. Но, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, въ жизни Веніаминава вдругъ произошелъ рѣзкій переворотъ. Онъ въ это время женился, не спросясь ректора. именно потому, что не могъ бы получить отъ него разрѣшенія. Въ этомъ году рѣка Ангара вскрылась очень рано, сообщеніе семинаріи съ монастыремъ, гдѣ жилъ ректоръ, надолго прекратилось. Женатому же поступить въ академію было невозможно. Веніаминава посвятили въ діаконы и опредѣлили учителемъ 1-го класса въ иркутское приходское училище. Только четыре года спустя, онъ добился мѣста священника въ томъ же приходѣ Благовѣщенія, гдѣ служилъ діакономъ. И вотъ съ этихъ-то поръ и начинается полезная общественная дѣятельность будущаго знаменитаго проповѣдника и просвѣтителя дикихъ.

ГЛАВА II.

Судьбы Божіи неисповѣдимы.

Величавая наружность молодого пастыря, звучный, пріятный голосъ, необыкновенная чинность при отправленіи богослуженія,—все это, какъ нельзя болѣе, пришлось по сердцу прихожанамъ церкви Благовѣщенія. Народъ толпами сходилъ слушать проповѣди отца Іоанна; какъ люди образованные, такъ и простолюдины предпочитали ходить молиться и говѣть у него въ приходѣ, и потому церковные доходы быстро увеличивались. Особенное уваженіе горожанъ возбудилъ къ себѣ молодой священникъ тѣмъ, что устроилъ при своей церкви нѣчто въ родѣ воскресной школы. Мальчики и дѣвочки Благовѣщенскаго прихода обязательно собирались въ храмъ до начала воскресной литургіи,

и отецъ Іоаннъ преподавалъ имъ тамъ христіанскіе уроки. Но доброму пастырю Промыслъ Божій готовилъ все-таки иной путь, о которомъ онъ самъ и не думалъ никогда. Устроилось это дѣло не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ.

Нѣкто Иванъ Крюковъ, прожившій съ алеутами лѣтъ 40, пріѣзжалъ ежегодно по дѣламъ въ Иркутскъ и останавливался всегда въ приходѣ церкви Благовѣщенія. Онъ проживалъ въ городѣ съ ноября почти до половины февраля. Отецъ Іоаннъ былъ духовнымъ отцомъ всего семейства Крюкова и потому коротко познакомился съ нимъ и даже подружился. Рѣдкій вечеръ проходилъ безъ того, чтобы Крюковъ не посѣтилъ своего духовника, и бесѣды ихъ длились иногда до полуночи. Отецъ Веніаминовъ, обыкновенно, трудился въ это время или надъ своими музыкальными органчиками или надъ самодѣльными часами, которые давали ему довольно хорошій заработокъ. Крюковъ же съ большимъ одушевленіемъ рассказывалъ ему объ Америкѣ и, въ особенности, объ алеутахъ.

— Вѣдь, вы не повѣрите, батюшка, говорилъ Крюковъ, въ волненіи вскакивая по временамъ съ своего мѣста и принимаясь ходить по комнатѣ, освѣщенной ярко-топившейся печью и сальной свѣчкой въ высокомъ жестяномъ подсвѣчникѣ:—вы не повѣрите, что за хорошій народъ эти алеуты! Смирные, кроткіе, терпѣливые. Брани между ними вы не услышите; дракъ и убійствъ никогда не бываетъ; дѣти даже, и тѣ рѣдко между собой ссорятся. Если алеутъ почувствуетъ, что онъ обиженъ, онъ никогда не дастъ воли своему языку, а тѣмъ болѣе рукамъ. Все его мщеніе ограничивается молчаніемъ; онъ умѣетъ упорно молчать въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ; только передъ говѣньемъ, во что бы ни стало, примирится со своимъ обидчикомъ. Воров-

ство и обманъ считались у нихъ постыдными, даже до принятія ими христіанства. При такихъ мирныхъ, честныхъ наклонностяхъ, у нихъ нѣтъ, конечно, и тяжбъ, какъ нѣтъ преступленій, и потому нѣтъ надобности въ судахъ. Въ случаѣ голода, каждый алеутъ старается добыть себѣ какую-нибудь пищу на морѣ или въ лѣсу, и считаетъ за грѣхъ воспользоваться добычей только для себя и для своей семьи. Они всѣмъ дѣлятся съ нуждающимися, иногда даже въ ущербъ близкимъ людямъ. А выносливые-то какіе они! При горѣ въ тайнѣ плачутъ, виду никому не подадутъ, что имъ тяжело; при физическихъ страданіяхъ не стонутъ, не кричатъ, и если нужно сдѣлать надъ собой какую-нибудь операцію, напр., вытащить изъ ноги или руки желѣзные зубья клѣпца (ловушки для лисицъ и волковъ),—а охотники, по зимамъ, часто наносятъ себѣ этимъ орудіемъ опасныя раны,—такъ, вѣрите ли, стиснетъ алеутъ зубы, весь поблѣднѣетъ и самъ выдернетъ у себя изъ кости палку съ зубьями. Когда тутъ ждать чужой помощи, если бѣда случится въ лѣсу? Но у нихъ есть при этомъ правило: дня три соблюдать строжайшую діету, т. е. ни пить, ни ѣсть, буквально, ничего, и раненые почти никогда не умираютъ. Работникъ-алеутъ мѣшковатъ, не то, что коренной русакъ; но зато онъ терпѣливъ и устойчивъ въ трудѣ необыкновенно. Алеуты истинные христіане по своему самоотверженію и по любви къ ближнему. Хороша еще и другая черта ихъ характера: это твердость въ исполненіи даннаго слова и въ достиженіи своей цѣли, конечно, не противозаконной. Въ этомъ случаѣ, алеутъ жизни своей не пожалѣетъ; но зато, если онъ заупрямится, то никакія ласки и обѣщанія, никакія выгоды не въ состояніи принудить его перемѣнить свое намѣреніе. Роди-

тельская любовь въ нихъ сильно развита; когда они были еще язычниками, у нихъ существовалъ даже обычай: въ печали по умершему любимому сыну или племяннику лишать себя жизни. Если, напр., покойный убился, упавъ съ утеса, то отецъ или дядя также кидался съ утеса; если тотъ утонулъ—онъ бросался въ море, но если былъ убитъ кѣмъ-нибудь—онъ старался отомстить. Христіанская религія очень смягчила эту единственную жестокую черту характера алеутовъ. Дѣти у нихъ отличаются рѣдкой почтительностію къ старшимъ, а благодарность у нихъ, такъ сказать, врожденное свойство. Между алеутами неслыханно дѣло, чтобы сынъ или дочь, племянникъ или внукъ отвѣтили грубо отцу, матери, дядѣ или дѣду. Ради того, чтобы успокоить своими заботами и своимъ присутствіемъ престарѣлыхъ родителей, они пренебрегаютъ самыми выгодными промыслами. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Овсянниковъ, человѣкъ уже 50-ти лѣтъ, женатый, съ трогательной нѣжностью ухаживаетъ за ворчливой, слѣпой, дряхлой матерью. Не имѣя никакой прислуги, онъ и жена, какъ добрыя няни, лелѣютъ старушку. Пріѣзжайте-ка, отецъ Іоаннъ, сами къ намъ на островъ Уналашку! воскликнулъ восторженно Крюковъ—вѣдь, вы всѣмъ сердцемъ привяжетесь къ новому своему стаду и скажете мнѣ спасибо за то, что я указалъ вамъ этотъ новый путь къ распространенію Божьей славы. Въ Уналашкѣ и въ Ситхѣ еще много язычниковъ: будетъ надъ чѣмъ потрудиться.

Но убѣжденія Крюкова не сразу подѣйствовали на отца Іоанна.

— Какой мнѣ расчетъ, судя по человѣчески, говорилъ онъ,—ѣхать въ такую даль, когда я во главѣ лучшаго прихода въ городѣ, у всѣхъ прихожанъ въ любви и почетѣ, у своего начальства

на хорошемъ счету, обзавелся семьей, собственнымъ домомъ, доходу получаю больше, чѣмъ тотъ окладъ, который назначается миссіонерамъ на Уналашкѣ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, отецъ Іоаннъ, на запросъ епархіальнаго начальства, не пожелаетъ ли кто изъ иркутскихъ священниковъ ѣхать къ алеутамъ, — въ числѣ прочихъ собственноручно расписался на бумагѣ: «Не желаю, потому что слишкомъ далеко». А между тѣмъ, все шло къ тому, чтобы разомъ измѣнить его мысли и стремленія. Постоянныя свиданія съ Крюковымъ не остались безъ послѣдствій; въ душѣ энергичнаго молодого священника все сильнѣе и сильнѣе стало разгораться желаніе посмотреть на невѣдомый край, поближе познакомиться съ алеутами и другими инородцами, населяющими русскія владѣнія въ Америкѣ. Въ душѣ его постепенно возникала борьба: ужъ въ самомъ дѣлѣ не попроситься ли въ миссіонеры на Уналашку? Но страхъ за такую крутую перемѣну въ домашней жизни цѣлой семьи удерживалъ его религіозные порывы и онъ молчалъ, никому не выдавая своей тайны.

Въ 1823 году Россія владѣла островомъ Уналашкой, гдѣ была колонія русско-американской компаніи. Туда потребовался священникъ. Охотниковъ среди священниковъ не находилось. Иркутскій архіерей выбралъ тогда 4-хъ діаконѣвъ и приказалъ бросить между ними жребій. Жребій палъ на соборнаго діакона Малинина. «Лучше пойду въ солдаты, чѣмъ поѣду въ Америку», заявилъ онъ прямо въ глаза архіерею. Что было дѣлать? Посылать насильно нельзя. Вдругъ къ преосвященному явился отецъ Іоаннъ Веніаміновъ и объявилъ, что желаетъ отправиться на Уналашку. Удивился владыка, спрашиваетъ, что побудило его принять такое рѣшеніе? «Встрѣтился я, — отвѣчалъ отецъ.

Іоаннъ,—съ однимъ выходцемъ изъ Америки и наслушался отъ него о глубокой преданности алеутовъ православной вѣрѣ и церкви, о томъ, какъ они простосердечны, незлобивы, прямодушны и загорѣлось во мнѣ желаніе послужить среди нихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и посмотрѣть новую часть свѣта».

Не безъ долгаго колебанія согласился преосвященный благословить на такой великій подвигъ самоотверженія многосемейнаго отца Веніамина; у котораго, кромѣ жены и сына, были еще на рукахъ старушка мать и родной его братъ. Всѣ они должны были слѣдовать за нимъ въ далекій, невѣдомый край.

Вернувшись домой, отецъ Іоаннъ ни слова не сказалъ семьѣ о своей рѣшимости ѣхать въ Америку, а только поднялъ на руки вынесеннаго къ нему на встрѣчу годовалаго сына Иннокентія и, поцѣловавъ его, сказалъ: „Кеня, Кеня! гдѣ ногитвой ходить будутъ?...“ Тутъ вся семья догадалась, въ чемъ дѣло, бросилась къ нему со слезами и начала просить, чтобы онъ измѣнилъ свое намѣреніе; но ни слезы, ни мольбы родныхъ не поколебали твердой воли молодого подвижника и онъ стоялъ на своемъ: непременно ѣхать.

„Пусть мой примѣръ, говоритъ въ своихъ запискахъ самъ отецъ Веніаиновъ,—послужить новымъ доказательствомъ той истины, что Господь направляетъ человѣку пути его и что всѣ мы ничто иное, какъ орудіе въ рукахъ Его“.

Вѣсть о переѣздѣ въ Аналашку отца Іоанна быстро облетѣла Иркутскъ. Городъ, положительно, възволновался; друзья, знакомые, прихожане—всѣ считали свсимъ долгомъ навѣстить отъѣзжающихъ, поплакать, погоревать о разлукѣ съ ними и пожелать имъ счастливаго пути. Времени нельзя было терять; сборы шли быстро, тѣмъ болѣе, что пыл-